

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(1): 239-250
 DOI: 10.13187/bg.2023.1.239

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Education of Kazakh Students at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries

Gulmira Nurusheva ^{a, *}, Aidar Aitmukhambetov ^a, Sergey Simonov ^b

^a A. Baitursynov Kostanai Regional University, Kostanai, Republic of Kazakhstan

^b Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs named after Sh. Kabalbaev, Kostanay, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the nineteenth century Kazakh young men received the right to study at universities. More than 30 Kazakh young men studied at Kazan University during the study period. Kazakh students were natives of the Steppe regions. Most of them lived in areas territorially close to Kazan. The social environment of the Kazakh student population was heterogeneous. Along with representatives from sultan's families in Kazan students came from diverse social environment. Most students were educated in gymnasiums before enrolling in university. During the analysis of grammar school diplomas it turned out that their owners were distinguished by their diligence and demonstrated good knowledge of the disciplines of study. The Kazakh students at the university studied at the medical and law faculties. Obviously, the motivation for their choice was the need for further socialization in the legal and medical fields. During their gymnasium years, they acquired a good knowledge of foreign languages, in particular classical and European languages, which proved to be in demand during their studies. Later, the holders of university diplomas realized their own potential in their profession; in particular, Karabayev, Beremzhanov, Tanachev and a number of other graduates of the university proved themselves as professionals in their field of study.

Keywords: student body, gymnasium, university, employee, sultan, characteristic, graduate, personalities, region, elite.

1. Введение

В начале XIX века на территории Казахстана начинается процесс распространения государственного образования. Российские школы различной специализации функционировали в административных центрах. В некоторых городских школах уровень вовлеченности казахских детей ограничивался представительством выходцев из социальных групп аристократических и близких к ним сословий. Соответствующие учебные учреждения предназначались для подготовки казахских служащих. Впоследствии представители казахской знати предпочитали обучаться в военных кадетских корпусах. Казахские выпускники военных учебных заведений имели более разнообразный спектр сферы деятельности. Во второй половине XIX века представители казахской молодежи получили право обучения в высших учебных заведениях. Выпускники вузов имели возможность получить статус служащих и работать в различных учреждениях с фиксированным финансовым окладом. На данный период формируется вертикаль системы обучения, согласно которой казахские юноши получали образование в школах. В дальнейшем они получали знания в реальных училищах, гимназиях, учительских семинариях. По окончании этих учебных заведений адаптированные к городским реалиям, подготовленные по учебной программе казахские юноши зачислялись в вузы. Анализ архивных документов свидетельствует, что казахи обучались в вузах Санкт-Петербурга, Москвы,

* Corresponding author

E-mail addresses: ng-8080@mail.ru (G. Nurusheva)

Казани, Саратова, Томска и других городов. Задача представленного исследования в рамках статьи состоит в изучении истории формирования казахского студенчества Казанского университета по таким критериям как численность, социальная структура, возрастной состав в исследуемый период.

2. Материалы и методы

В ходе выполнения работы использовались материалы Национального архива Республики Татарстан, Центрального государственного архива Республики Казахстан и ряд других. Таким образом, наличие полноценных материалов по казахским студентам позволило составить социальный портрет по каждому из них. При написании статьи использовался системный подход, в ходе осуществления которого оказалось возможным определить численность, структурный состав, возрастную характеристику, региональное происхождение, метрические данные каждого студента. Основу работы составили архивные материалы, подавляющее большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Архивные материалы в основном носят персонифицированный характер, по сути своего содержания они ориентированы на описание подробных характеристик конкретного персонала. В результате тщательной работы появилась возможность переработать исследованные данные и на их основе произвести статистический анализ. При исследовании использованы такие общенаучные методы, как синтез и обобщение. В частности, полученные выводы и умозаключения базируются на зафиксированных данных, которые обусловили их достоверность. При подготовке статьи применялся историко-системный исторический метод, что определило логичность и последовательность в процессе понимания фактов.

В работе активно использован критический анализ, который позволил авторскому коллективу с определенным контекстом воспринимать выявленные данные в каждом архивном документе. В работе мы опирались на исторический принцип, востребованный при учете исторических реалий и событий исследуемого времени. Основная часть материалов представлена «Личными делами» студентов. Характерно отметить, что каждое дело, согласно нормам делопроизводства исследуемого периода, структурировано по хронологии и метрическим данным, поэтому в результате анализа и сопоставления имеющихся материалов были достигнуты результаты по ним, появилась возможность выявить мотивацию и суть поведения исследуемых персоналий. На основе изучения документов четко прослеживается генетическое родство между казахскими студентами и их предшественниками в лице близких родственников, отцов, дедов, братьев. Очевидно, как это явствует из исторической литературы и архивных документов, что соответствующая категория родственников в лице представителей казахской знати обладала популярностью в регионах концентрации казахского населения. Именно старшие родственники в значительной мере являли характерный пример для своих последователей. Благодаря их роли и воздействию казахские юноши выбирали длительный путь совершенства от учительской парты до студенческого диплома. Таким образом, казахские студенты Казанского университета являлись обладателями университетского образования в первом и даже во втором поколении. Примененный метод системного анализа позволил сделать вывод об установлении товарищеских и дружеских отношений между казахами, которые обладали различными региональными и социальными характеристиками в студенческий период. Впоследствии, как показывают материалы исторической литературы, казахские студенты тесно общались как коллеги, товарищи и друзья. Именно казахские студенты составили основу казахской интеллигенции в XX веке. Дипломированные выпускники успешно состоялись на государственной службе в качестве специалистов в дореволюционный период. После окончания Гражданской войны ряд из них продолжил свою деятельность по специальности в советских административных органах или в различных учреждениях.

3. Обсуждение

Казахстанские исследователи на протяжении длительного времени исследовали проблему формирования национальной интеллигенции в XIX–XX вв. В частности, ученые С. Зиманов, С. Созакбаев, М. Кулмухамед рассматривали малоисследованную тему деятельности казахских юристов. В процессе изучения основ складывания категории казахских служащих С. Зиманов в своей работе «Россия и Букеевское ханство», изданной в 1982 году издательством «Гылым», акцентировал внимание на прогрессивной роли одного из правителей Внутренней Орды хана Жангира, который персонально занимался вопросом обустройства и обучения казахской молодежи в Казанском университете (Зиманов, 1982). В результате его личного участия четверо казахских юношей прошли полный курс обучения в нем.

Галым Ахмедов последовательно изучает данную проблему по персоналиям. Например, в своем исследовании он рассматривает такую личность, как Куатов Альмухамед (Ахмедов, 1969), который с 1844 по 1847 гг. состоял студентом Казанского университета и по окончании его получил звание магистра права. Таким образом, он, по мнению автора, являлся первым казахом, который удостоился ученого звания магистра права. Куатов относился к той плеяде молодых людей, которых патронировал и пестовал упомянутый выше хан Жангир.

В 1990–2000-е гг. последовательно вышли несколько публикаций, в содержательной части которых проанализирована представленная тема. С.М. Михайлова (Михайлова, 1991) на основе проделанной работы выявила численный состав студентов-казахов Казанского университета. В ее работе представлены материалы о студентах Н.К. Алдиярове и А.А. Куатове, которые в середине XIX в. обучались в Казанском университете.

Другой казахстанский исследователь Г.С. Султангалиева обнародовала сведения о 23 уроженцах Оренбургской губернии (Султангалиева, 2002: 120). Автор указывает на выпускника восточного факультета А. Куатова, который окончил университет в 1847 г.

Фундаментальные исследования по вопросам обучения казахских юношей в вузах Казани осуществлял талантливый ученый Б. Кенжетаяв (Кенжетаяв, 1988). На основе архивных документов он резюмировал выводы о количественном соотношении поступивших на обучение и в реальности закончивших вузы казахских юношей на период последней четверти XIX – начале XX вв. Согласно его анализу, который он провел на основе источниковых данных, в университет поступило 37 юношей, а закончило 20. В Казанский ветеринарный институт прошли зачисление 18 молодых людей, а получили диплом – 15.

Особая роль в раскрытии темы казахской молодежи, которая обучалась в Казанском университете, принадлежит профессору Казанского государственного университета Р.И. Нафигову. Академик Нафигов в процессе изучения жизнедеятельности известного татарского деятеля проанализировал творчество нескольких казахских студентов, которые сотрудничали с представителями татарской интеллигенции (Нафигов, 1986). В период совместного культурного времяпровождения проходил обмен мнениями между представителями тюркской молодежи, которая, осознавая единую духовную общность, искала пути дальнейшего сближения. Казахские студенты совместно с татарскими интеллектуалами принимали участие в изучении культурного наследия двух народов, готовили материалы для выпуска книг. Таким образом, в результате совместной деятельности ими было создано более 700 трудов в период с конца XIX в. до 1917 г. Казахские юноши активно участвовали в культурной жизни университета. Они инициировали создание собственного хора. Данный факт подтверждает Г. Макаров, изучавший музыкальное наследие Султана Габаша – татарского композитора (Макаров, 2000: 140-157).

До настоящего времени указываются различные цифровые данные относительно количества казахских студентов, обучавшихся в казанских вузах. Часть из них по различным причинам не смогла закончить обучение вследствие отсутствия должного финансирования или из-за проблем со здоровьем. Итак, многие представители казахской интеллигенции обучались в стенах казанских учебных заведений. Впоследствии казахские интеллигенты реализовывали свой творческий потенциал.

4. Результаты

Казанский университет являлся одним из центров подготовки казахских служащих в XIX–XX веках, процесс формирования которых по имперским стандартам начался в XIX веке. Первоначально казахские служащие были представлены в качестве султанов-правителей и представителей низовой администрации на уровне толмачей-переводчиков и письмоводителей. Социальную основу казахского чиновничества составляли выходцы из султанских династий (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34056. Л. 180б.) и близких им по социальному статусу фамилий (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 43039. Л. 3).

В первой половине XIX века султаны обучались в военных кадетских корпусах. Впоследствии казахские офицеры продолжили свою службу в вооруженных силах или вливались в состав административных структур. Усложнение системы делопроизводства настойчиво требовало необходимости повышения качества администраторов всех уровней. Большинство российских служащих, которые контактировали с казахским населением, не владели казахским языком и не знали менталитета местной среды. Назрела потребность подготовки квалифицированных национальных кадров, которые владели бы несколькими языками, знали систему судопроизводства и были адаптированы к модели делопроизводства. В уездных и областных городах функционировали учебные заведения, которые были представлены школами различных ступеней, прогимназиями, гимназиями и учительскими семинариями (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32141. Л. 15). Формировалась вертикальная система обучения, в процессе обучения в которой взрослевшие ученики осваивали несколько языков, адаптировались к городским реалиям европейской действительности и познавали основы законодательства. Впоследствии казахские выпускники начинают поступать в российские вузы.

Изучение архивных документов наглядно демонстрирует обучение казахских юношей в вузах, расположенных в Томске, Казани, Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве и т.д. Таким образом, в казахском обществе четко сложилось представление о сути и значимости университетского образования, основы которого оставались востребованными в процессе адаптации в изменяющихся реалиях и способности к осуществлению профессиональной карьеры. Казахские юноши обучались в университетах либо за свой счет в качестве «своекоштных», либо за счет региональных общин, обладая статусом «казеннокоштных». Подобная модель обучения распространялась на городские школы, гимназии и вузы. Казахские общинники охотно принимали участие в сборе финансовых

средств на подобные мероприятия. Ежегодно на территории областей формировалось несколько стипендий, на которые претендовали юноши. Очевидно, наибольшим потенциалом для обучения в гимназиях, впоследствии в вузах обладали выходцы из престижных социальных групп по факту их более качественного обучения на начальном этапе.

Важным условием для поступления в вуз оставалось наличие гимназического диплома. Фактически все исследованные 32 казахских студента Казанского университета являлись обладателями гимназических дипломов. Региональная характеристика казахов-казанцев представлена следующими административными единицами: Астраханская губерния, Тургайская, Уральская, Семипалатинская, Актюбинская, Семиреченская области и Самарканд. В частности, в университете обучались 10 уроженцев Астраханской губернии (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32799. Л. 20), 2 уральца, 14 – тургайцев (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32966. Л. 12), 2 уроженца Семипалатинской области, 1 уроженец Самарканда, 1 студент из Актюбинской области, 2 уроженца Семиреченской области (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 39903. Л. 16).

Таким образом, анализ «Личных дел» демонстрирует количественную доминанту в вузе уроженцев западных и северных регионов в отличие от южных административных территориальных центров (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 33390. Л. 14). Очевидно, сложился ряд объективных обстоятельств, который предопределил подобную специфику. Северо-Западные регионы были гораздо раньше включены в состав империи. В этой зоне на исследуемый период функционировала сформированная административная управленческая модель, к которой в значительной мере оказалось адаптированной казахская элита. В местных кругах знати четко сложилось представление об особенностях функционирующей системы. Именно выходцы из престижных социальных групп и фамильных династий на протяжении нескольких десятилетий на поколенческом уровне последовательно осваивали все доступные звенья административно-управленческого корпуса.

Территориальная близость ряда областей к Казани с течением времени предопределила формирование постоянно действующей логистической инфраструктуры. Во все сезоны года функционировало дорожное сообщение при наличии различных транспортных служб с устойчивой схемой передвижения транспорта и финансирования. Казань традиционно представляла собой интернациональный город со значительной концентрацией этнически и религиозно близкого к казахам татарского населения. Татарское купечество характеризовалось корпоративной сплоченностью и наличием коммерческих связей с казахской знатью и торговыми элементами. С учетом факторов взаимной комплиментарности элитных представителей двух тюркских этносов определенных казахские абитуриенты и их родители во многом именно Казань, (равно как Оренбург и Омск) ассоциировали в качестве объекта обучения (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 41264. Л. 11). Ранее и в этот период казахские юноши охотно обучались в вышеуказанных городах.

Но наличие университета в Казани предопределяло приток казахских дипломированных гимназистов в этот город. Казахское общество толерантно оценивало ступенчатую модель обучения от школы до университета. Во второй половине XIX века в регионе действовала категория казахских служащих, которые постепенно осваивали новые виды профессий и делали карьеру в различных учреждениях на службе. Действия состоявшихся казахских служащих являлись показательным примером для их родственников и земляков. Факторы семейно-родственных отношений предопределяли тесные взаимодействия казахских общин с национальными служащими, которые в определенной мере направляли и координировали поступки своих родственников. Казахские врачи, ветеринары, педагоги, юристы, как явствуют многочисленные документы, предпринимали максимальные усилия с целью оказания помощи народу. Поэтому казахи принимали активное участие в сборе финансов для обеспечения обучающихся стипендиями в учебных заведениях. На период объявления набора казахских юношей в университеты в указанных регионах имелись необходимые финансы на стипендиальный фонд. Согласно архивным данным, первые казахские студенты Мухамеджан Карабаев, Нурмухамед Алдияров, Эмир-Джан Бекмухамедов в Казанском университете зафиксированы в 1881 году (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29958. Л. 6; НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29954. Л. 1; НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29900. Л. 8об.).

Для поступления в гимназию казахские абитуриенты обязывались обладать курсом начальной школы. В этот период они демонстрировали знание русского языка, нескольких правил арифметики. В гимназиях студенты обучались по следующим дисциплинам: «Закон Божий», «Магометанское вероучение», «Русский язык и словесность», «Логика», «Философская пропедевтика», «Латинский язык», «Законоведение», «Греческий язык», «Математика», «Физика», «Математическая география», «История», «География», «Немецкий язык», «Французский язык», «Рисование», «Черчение» и «Гимнастика» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 42579. Л. 2). Нужно отметить то, что большая часть дисциплин являлась сугубо гуманитарной. Сравнительный анализ качества обучения исследованных персоналий показывает, что большинство из них демонстрировали положительные результаты по представленным дисциплинам (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 43289. Л. 7). Очевидно, юноши обучались в гимназиях весьма осознанно с явной направленностью на достижение результатов. В целом курс обучения составлял 7 лет. Значительная часть казахских гимназистов уже в юношеском возрасте по факту наличия вузовской модели обучения ориентировалась на поступление в вузы по

определенной специализации. Следует выделить существенную подготовку гимназистов по иностранным языкам, в частности по латинскому, греческому, французскому или немецкому языкам. Именно знание этих языков являлось важным фактором для обучения в университетах.

Таким образом, изучение казахскими юношами языка носило весьма осознанный характер. Многие из них на старте своего обучения по примеру своих старших родственников и уважаемых состоявшихся на службе земляков отчетливо представляли свое будущее в качестве успешных специалистов или чиновников (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 39686. Л. 38). Они понимали прогрессивную необходимость знания языка для выстраивания коммуникационных отношений и карьеры в инонациональном окружении административных городов. Казахские юноши из семей чиновников, будучи служащими во втором или в третьем поколении, четко представляли свои перспективы на уровне урбанизированных центров, для успешной адаптации в которых сохранялось настойчивое требование знания ведущих европейских языков, в частности немецкого и французского. Ярким показателем интеллектуальных установок учащейся молодежи оставался пример литературных интересов казахских прогрессистов, например мыслителя-философа А. Кунанбаева и ученого и офицера Ч.Ч. Валиханова, имевших фундаментальные знания в иностранной литературе. Многие представители образованной казахской молодежи ориентировались на изучение юриспруденции и судопроизводства. Традиционное казахское обычное право в казахском обществе утрачивало доминирующие позиции в сравнении с официальным законодательством. Дипломированные специалисты по юридическим направлениям были востребованы в административно-управленческих структурах. В условиях расширения фактора частной собственности оформляется институт адвокатуры, той категории правоведов, которые претендовали на право защиты чести и достоинства при грамотном использовании потенциальных знаний. В сущности, право работы в судебно-правовой сфере предоставляло официальные возможности определенной карьеры, финансового обеспечения и гарантированной пенсии думающим о своем будущем молодым людям. Одним из условий для обучения на юридических факультетах являлось изучение на системной основе классических дисциплин, к которым относились греческий и латинский языки. Многочисленные наблюдатели в лице учителей, путешественников, чиновников, купцов в период длительного общения с казахами отмечали их природную память, сметливость, склонность к ораторскому искусству и высокую скорость в усвоении иностранных языков. Например, В.В. Радлов в своем труде «Из Сибири. Страницы дневника» писал следующее: «Казахи выделяются среди всех своих соседей даром речи. Речь каждого казаха течет плавно и свободно, он так владеет словом, что не только может произносить длинные импровизации в стихах, но и обычная его речь отличается определенным ритмом фраз и периодов, так что и она нередко подобна стихам. Она образна, выражения ясны и точны, так что казахов можно с полным основанием назвать французами Западной Азии» (Радлов, 1989: 252).

В XIX веке продолжается процесс формирования группы казахских врачей. Первые школы по подготовке фельдшеров по образовательным официальным стандартам начали функционировать еще в начале XIX века. В частности, по инициативе хана Букеевской Орды Жангира стали действовать подобные школы для казахских юношей. Впоследствии фельдшерские училища, курсы оспопрививателей и аналогичные им медицинские учреждения постепенно создавались в областях. Специфика обучения на медицинских факультетах основывалась на знании латыни и греческого, которые казахские ученики усваивали в гимназиях. Итак, мотивированные на успех подростки познавали предметы по иностранным языкам. Уроженец Тургайской области М. Карабаев первоначальное образование получил в Троицкой казахской школе. В дальнейшем он учился в Троицкой гимназии, по окончании которой подал прошение на медицинский факультет университета (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29958. Л. 6). В 1888 году он имел статус дипломированного выпускника. В январе 1888 г. члены заседания Совета императорского Казанского университета персонально рассматривали вопрос трудоустройства Карабаева. Члены Правления апеллировали к приговору выборных Кен-Аральской волости Тургайской области, которые ходатайствовали со следующей формулировкой: «Для определения на государственную службу и звание уездного врача» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 29958. Л. 17-170б.). По итогам заседания члены Правления приняли решение, согласно которому Карабаев получал утверждение в степени лекаря и звание уездного врача.

Более того, гимназисты прекрасно осознавали, что при наличии гимназического диплома на уровне волостей и уездов они будут составлять конкуренцию местному стареющему чиновничеству и не обладающим гимназической степенью молодым служащим. Курс обучения многих казахских юношей затягивался на гораздо больший период. Изучение биографий этой категории персоналий демонстрирует их высокую степень заболеваемости опасными или инфекционными болезнями. В «Личных делах» зафиксированы следующие диагнозы: туберкулез, гастрит, язва, полиартрит и ряд других. При наличии соответствующих заболеваний многие гимназисты досрочно прерывали свое обучение. Этот фактор существенно сказывался на сроках их обучения.

Следующим немаловажным обстоятельством, которое характеризовало мотивацию и стремление гимназистов, являются характеристики, представленные руководством гимназий. В частности, директор Оренбургской гимназии А. Сатурнов так охарактеризовал казахского

выпускника Атантаева Нургалия: «Атантаев Нургалий, сын киргиза, 20 лет, магометанского вероисповедания, в Оренбургской гимназии обучался 10 лет, состоя все время пансионером киргиз Тургайской области. При посредственных способностях Атантаев всегда отличался известной долей прилежания, но плохое знание русского языка мешало его успехам, так что он с трудом окончил курс. Поведения Атантаев был отличного. По характеру он всегда ровен, спокоен, тих, всегда легко поддавался нравственным воздействиям, в обращении с товарищами был вежлив, но малообщителен, его присутствие как-то не замечалось. В политическом отношении за ним не было замечено ничего предосудительного. Материально не обеспечен» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34540. Л. 12).

Так, учащийся этой же гимназии Тукберлинов И. показал отличные и хорошие результаты по дисциплинам программы. Педагогический совет принял решение о вручении ему золотой медали. Данное решение сопровождалось следующей характеристикой: «За все время обучения его в Оренбургской гимназии поведение его было вообще отличное, исправность и посещений, и приготовлений к урокам, а также в исполнении письменных работ, отличное прилежание и любознательность ко всему вообще, и во-вторых, что он обнаружил нижеисследующие познания...» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32859. Л. 2). Впоследствии он успешно состоялся на юридическом факультете.

Пикантные особенности поведения гимназистов отражались в Кондуитных журналах гимназий. Наставники гимназиста М.И. Чултурова в графе «Проступки» описали некоторые эпизоды гимназического периода: «1902–1903 учебный год. 7 января. Крайне небрежно исполнял работу по математике: подписал вместо фамилии имя. Взыскания. Оставлен на 1 час после занятия; 6 сентября 1903–1904 учебного года. Дрался во время урока французского языка с соседом и вел себя все время очень шаловливо, не обращая внимания на несколько замечаний. Взыскания. Строгий выговор господина Инспектора» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35628. Л. 15). В дальнейшем негативные замечания в адрес Чултурова не фиксировались: «В 1904–1905 учебном году в кондуите записей не было. За подписью наставника инспектора. Подпись» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35628. Л. 15об.). Проступки Чултурова, несомненно, вызывали критику и ответные действия педагогов. В выпускном классе Чултуров демонстрировал прекрасные успехи: «...исправность в помещениях и приготовлениях уроков, а также в исполнении письменных работ хорошая, прилежность достижения и любознательности одинаковые по всем предметам» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35628. Л. 13). В 1905 году Чултуров поступил на медицинский факультет университета (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 35628. Л. 12-12об.).

Внимательное изучение выявленных документов характеризует качество работы педагогических коллективов исследованных гимназий. Руководители гимназий в представленных характеристиках проявляют высокую осведомленность и педагогический такт относительно выпускников. В частности, директор Омской гимназии со знанием дела и обстоятельств описал гимназический период Заира-Мухамеда Кудайбергенова: «Заир-Мухамед Кудайбергенов – сын обычного киргиза, поступил в 1 класс Омской гимназии, где и пробыл до окончания полного курса. Обладая высоко выдающимися способностями, юноша мог бы и окончить курс блестяще, если бы в VII классе не постигла его тяжкая болезнь. Тифозная горячка с осложнениями заставила юношу на долгое время прекратить занятия в гимназии, а в VIII классе у него обнаружили зачатки чахотки. Болезненное состояние значительно повлияло на успехи ученика в последней четверти учебного года и на испытаниях зрелости, на которых он являлся с лихорадочными припадками, получились у него далеко не те результаты, какие с уверенностью ожидал каждый из членов педагогического персонала гимназии. В нравственном отношении юноша может быть назван вполне безукоризненным, даже в младших классах за ним не замечено было ни одного проступка, свойственного школьному возрасту. Всегда сосредоточенный мальчик и потом юноша Кудайбергенов, кроме книг, ничего не хотел знать, его иначе и нельзя было встретить, как с книгой в руках не только в стенах гимназии или в ученической квартире, но даже во время гуляний по двору и площади. Если бы позволило здоровье и Кудайбергенов поступил бы в университет, то из него вышел бы весьма достойный студент, а впоследствии полезный общественный деятель» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32565. Л. 7-7об.). К сожалению, прогнозы автора документа не оправдались: Кудайбергенов поступил в университет в 1893 году. Через три года он скончался от чахотки.

Студент медицинского факультета Кашкинбаев И.Т. до зачисления в университет обучался в Уральском реальном войсковом училище, где проходил курс обучения в течение 7 лет, с 1903 по 1910 годы. При поведении, которое директор оценил на «отлично», он получил знания по предметам, которые в большинстве своем преподавались в гимназиях. На «окончательных испытаниях» училища Кашкинбаев показал по разным предметам результаты «удовлетворительно», «хорошо», «отлично». Он целенаправленно изучал латинский язык и в дальнейшем сдал экзамен по данной дисциплине. Об этом не преминул упомянуть в своем «Прошении» о зачислении в число студентов на имя ректора университета: «...Киргиза, окончившего Уральское реальное училище и сдавшего экзамен за 8 классов гимназии по латинскому языку Исы Таумысовича Кашкинбаева» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40506. Л. 1). Очевидно, Кашкинбаев проявил завидное упорство и терпение. Он подавал «Прошение» на обучение в Московский Императорский университет, но по определенным причинам получил отказ. Молодой человек не отчаивался. В очередной раз он ходатайствовал в ректорат Казанского университета: «Получив извещение о своем непринятии в Московский Императорский

университет, прошу Ваше Превосходительство, по получении моих документов из Московского университета зачислить меня в число студентов медицинского факультета вверенного Вам университета. Мною подано прошение в Московский Императорский университет, чтобы мои документы послали в Казанский Императорский университет. 25 рублей в пользу университета мною будет внесено по принятии меня в число студентов, ибо я пользуюсь киргизской областной стипендией, которую мне выдадут только по зачислении меня в число действительных студентов. 6 августа 1912 года» (НА РТ. Ф. 977. Оп.1. Д. 40506. Л. 1). Итак, только через 2 года по окончании училища Кашкинбаев в 1912 году получил возможность зачисления в Казанский университет. Важным обстоятельством для направления в университет для него, равно как и других юношей, являлись стипендии. Вакансии на стипендии высвобождались по факту получения диплома или непредвиденного отчисления обладателей казахских стипендий, которые изначально распределялись по областному принципу. Претенденты на стипендию сохраняли заинтересованность в их получении.

Казахские студенты в университете демонстрировали прилежание в учебе. Уроженец Тургайской области Ирмухамедов А.К. получил благожелательную характеристику от ректора Г. Дормидонтова: «Означенный всем аттестат Ирмухамедов Абдулгасы в августе 1909 года принят был в число студентов Императорского Казанского университета на юридический факультет, где в течение 1909–1910 учебного года прослушал в полном объеме следующие предметы: энциклопедию права, политическую экономию, государственное право, историю римского права и историю русского права, но испытаниям по этим предметам не подвергался. За время пребывания в числе студентов Казанского университета, в здании его Ирмухамедов был поведения отличного» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 38957. Л. 5).

Некоторые гимназисты отличились высокой успеваемостью и характеризовались как подающие надежды. Например, Хаджимурат Сарыкулаков окончил Верненскую гимназию с серебряной медалью: «Во внимание к постоянно отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, в особенности же в физико-математических, Педагогический совет постановил наградить его серебряной медалью и выдать ему аттестат. Директор гимназии В. Дейнеко» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40976. Л. 2506.).

В Оренбургском крае состоялся прогрессивный юрист А. Беремжанов. В начале XX века он был депутатом Государственной Думы. Он окончил Оренбургскую гимназию, педагоги которой предвидели талант и академизм своего ученика: «Беремжанов Ахмед 19-ти лет, сын киргиза, весьма даровитый от природы и развитой юноша, во все время своего учения выказывал особенное трудолюбие, почему при окончании курса и был удостоен серебряной медали. Это особенно скромный и деликатный юноша, служивший в пансионе постоянно образцом для других в нравственном отношении. В политическом отношении вполне благонадежен, материально вполне обеспечен. Педагогический совет не имеет препятствий для поступления его в высшее учебное заведение. Директор гимназии А. Сатурнов» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32110. Л. 12-1206.).

Авторы характеристик акцентировали внимание на факторе политической благонадежности молодых людей. Руководители Оренбургской гимназии благожелательно отзывались о поведении их выпускника Г.М. Ибрагимова: «Ибрагимов все время своего обучения находился в пансионе при Оренбургской гимназии и состоял киргизским стипендиатом. Как здесь, так и в стенах учебного заведения он вел себя всегда безукоризненно: был тих, скромен; к воспитателям пансиона, к начальству гимназии и к своим преподавателям всегда относился с должным почтением и уважением. В нарушении каких-либо правил против установленного для учебных заведений порядка никогда замечен не был и никаким поэтому штрафам, ни взысканиям не подвергался. Всеми предметами занимался с одинаковым усердием, и все предметы давались ему одинаково нелегко, так ему пришлось пробыть лишних 2 года в учебном заведении, чтобы освоить преподаваемые науки и вразумить их надлежащим образом. С товарищами жил в добром согласии. В политическом отношении никогда и ни в чем предосудительном замечен не был и поэтому есть полное основание рассчитывать на благонадежность и в будущем» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34112. Л. 14-1406.).

Пакет документов для зачисления в университет традиционно сопровождался документом под названием «Удостоверение». Как правило, оно отражало краткую информацию относительно абитуриентов по таким критериям: место и дата рождения, сведения о родителях, степень благонадежности и личное ручательство нескольких авторитетных персоналий указанного населенного пункта. Так, например, выглядело содержание «Удостоверения» студента Б.Ю. Юсупгалиева: «Предъявитель сего сын киргиза №4 старшинства Камыш-Самарской части Внутренней Киргизской Орды Астраханской губернии Юсупгалия Аралдыкова Батыргалий Юсупгалиев родился в 1883 году 15 сентября, что хорошо нам известно, как киргизам, живущим с его родителями на одном урочище и в одном старшинстве. В удостоверении чего мы, киргизы №4 старшинства Камыш-Самарской части Внутренней Киргизской Орды Астраханской губернии Ниегалий Дильманов, своеручно подписываюсь. Рахметулла Манатов по неграмотности своей ставлю свою родовую тамгу. Собственноручность подписей киргизов Дильманова и тамги Рахметуллы Манатова удостоверяю подписями приложением должностной печати. Помощник правителя Камыш-

Самарской части И. Мендылханов». Документ подкреплялся печатью (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40542. Л. 15-150б.).

С целью зачисления в университет выпускник Троицкой гимназии Имамбаев А.М. заручился письменным «Удостоверением» о своей благонадежности: «Удостоверение дано киргизскому сыну Тургайской области, Кустанайского уезда, Чубарской волости, №2 аула Аубакиру Ишмухамедовичу Имамбаеву, в том, что он от роду 20 лет, родился 1 мая 1890 года, законнорождённый. Отец Ишмухамед Имамбаев, мать Бибигайша Минбаева-Иманбаева, поведения хорошего, под судом и следствием не состоял». «Удостоверение» заверили старшины местной администрации и почетные жители (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 39437. Л. 14-140б.).

В казахском обществе сохранялись принципы тесного семейного родства и взаимопомощи. Фактически все жители близлежащих населенных пунктов, включая подписантов, сохраняли семейно-родовую взаимосвязь. Таким образом, каждый подписант, выразивший волю родовой общины, тем самым выступал гарантом политической благонадежности конкретного студента. Действительно, анализ архивных материалов свидетельствует об отсутствии фактов действий казахских студентов, которые в силу функционирующего в исследуемый период законодательства с позиции права возможно было трактовать как уголовное или политическое. Прошедшие длительный путь гимназичества, казахские юноши четко осознавали свои ценностные приоритеты, акцентируя внимание на дальнейшем обучении для интегрирования в городскую среду. В условиях хронического безденежья юноши могли рассчитывать прежде всего на стипендии, суммы которых оказывались недостаточными, и помощь родственников. Родственники в лице студентов рассматривали таких персоналий, финансовые вложения в которых в перспективе сулили подготовку квалифицированных специалистов, востребованных для выражения интересов семьи и в целом всей общины в социальном секторе, в экономических отношениях или в административном корпусе. В каждом студенческом «Личном деле» содержались аналогичные документы, которые по своей сути для их обладателей отнюдь не являлись формальностью. Доверие собственной общины следовало заслужить многолетним периодом обучения в городах административного значения. Юридическим подтверждением таковых «Удостоверений» являлись документы – «Свидетельства». В них излагалась информация относительно гимназического периода молодых людей. «Свидетельства» визировали руководители гимназий. Директора на основе фактологических данных охарактеризовывали выпускников гимназии. Примечательно отметить факт обучения Юсупгалиева в профильном училище до его поступления в Астраханскую гимназию: «Дано сие Батыргали Юсупгалиеву, магометанского вероисповедания, сыну киргиза, родившемуся в сентябре месяце 1883 года в Киргизской степи Астраханской губернии, обучавшемуся первоначально в Ханском-Ставочном городском 4-х классном училище и имеющему свидетельство на звание фельдшера, в том, что он в мае и в июне 1911 года подвергался испытанию зрелости в Астраханской гимназии» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40542. Л. 16). В действиях Юсупгалиева сохранялась определенная преемственность логической последовательности в реализации цели. По окончании гимназии он поступил в 1912 г. на медицинский факультет университета.

Выбор учебных заведений и специальностей казахские юноши производили осознанно. В частности, выпускник Оренбургской гимназии Нуралиханов Сеид-Гирей при подаче документов в университет изъявлял желание быть принятым на медицинский факультет. Он представлял аристократическую семью: «Аттестат зрелости №664. Дан сей Нуралиханову Сеид-Гирею, магометанского исповедания, сыну хорунжего султана» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34747. Л. 5). Султаны в обществе ассоциировались с потомственной знатью. В начале XX века приоритеты выходцев из знатных сословий начинают меняться. Потомственный султан Юсупгалиев в 1903 году ориентировался на медицинский факультет, выпускники которых, в отличие от дипломированных юристов, обладали меньшими возможностями для включения в административные структуры и продвижения в них. Анализ профессиональной деятельности медиков-казахов, которые закончили медицинский факультет университетского уровня, наглядно демонстрирует их равнодушные к административно-управленческим структурам. Все они начинали свое мастерство в качестве волостных и уездных врачей. Таким образом, Юсупгалиев относился к новой генерации молодых султанов, которые выбирали специальности социальной значимости.

Таким образом, социальная структура казахского студенчества оказалась различной, из 32 исследованных персоналий 1 оказался выходцем из султанской среды, 1 обозначен как сын хорунжего, 1 являлся выходцем из семьи есаула, 2 – сына сотника, 25 студентов охарактеризованы как «сын простого киргиза», 1 студент представлен как сын чиновника и 1 – из семьи потомственных дворян. Итак, 8 студентов представляли семьи служащих. Главы семейств ранее состояли на официальной службе. Все они сделали определенную карьеру и вошли в состав служивого чиновничества, обладая различными званиями и должностями в действующей ранговой титулатуре. В частности, Г.С. Арунгазиев являлся выходцем из султанской семьи. Его статусность, как и происхождение других студентов, подтверждали официальные документы – «Удостоверения»: «Галиахмед Арунгазиев есть действительно законный сын султана киргиза №2 аула Сафы

Арунгазыева, родился в августе месяце тысяча восемьсот семьдесят девятого года» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34056. Л. 18).

Подобный документ заверялся сведениями в лице почетных лиц или официальных служащих: «Удостоверение выдано Арунгазыеву для предоставления в Совет Оренбургской мужской гимназии марта 1-го дня 1900 года. В чем аксакалы: Сафа Кадырбеков, Юсуп Буранбаев, Жакуп Буранбаев, Зулкарнай Тупаев, а за них по неграмотности и личной просьбе и за себя расписался зауряд-хорунжий Султан Мухамед Хусаин Арунгазыев». Подлинности подписей заверял уездный начальник подполковник Сужин (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34056. Л. 18об.). Таким образом, султанское звание с соответствующими метрическими данными заверяли, в том числе и близкие родственники в лице султанов. Выделение султанской принадлежности во всех исследованных документах считалось обязательной нормой. Соответствующий пункт являлся прямым свидетельством сохранения в казахском обществе султанской титулатуры. Наряду с султанами в административном корпусе на уровне устоявшихся административно-территориальных единиц, как-то аулов и волостей, состояли представители несултанских фамилий.

Например, на юридическом факультете учился уроженец Семипалатинской области М.З. Бочтаев. В удостоверяющем его документе он охарактеризован следующим образом: «Метрическое свидетельство 1909 года мая 25 дня, выдано настоящее свидетельство киргизскому сыну Мукучу Зафаровичу Бочтаеву в том, что он вероисповедания магометанского, родился в тысяча восемьсот восемьдесят восьмом году второго января, в чем и удостоверяю своей подписью и приложением должностной печати» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 41150. Л. 11). Метрика завизирована местным управителем А. Бочтаевым. Несомненно, управитель Бочтаев и исследуемый студент состояли в близком родстве. Студент Бочтаев в документе обозначен под определением «сын» без указания титулатуры. По праву к родовитой аристократической семье принадлежал студент юридического факультета С-Г. Нуралиханов. Его отец султан З. Нуралиханов имел звание хорунжего Внутренней Орды. Мать Б.-Ф. Нуралихановой относилась к семье потомственных дворян (ГАТО. Ф. 102. Оп. 4. Д. 1763. Л. 4).

К султанскому сословию имел непосредственное отношение студент М. Каратаев (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32559. Л. 15). Обращает на себя внимание тот факт, что на период зачисления в университет некоторые казахские студенты не имели отцов. Бракоразводные процессы в казахском обществе отсутствовали. Многие казахские семьи характеризовались как многодетные. Возраст отцов 20-летних студентов варьировался в пределах 45–50 лет и выше. В исследуемый период мужчины старше 50-летнего рубежа воспринимались в качестве возрастных представителей. Уровень эмоционально-психологической нагрузки и степени моральной ответственности высокопоставленных казахских чиновников характеризовался высокой напряженностью и максимальной степенью выгорания.

Султаны Каратаев, Нуралиханов и казахские студенты аристократического происхождения других вузов в студенческие и зачастую гимназические годы лишались родительской опеки по причине смерти их отцов, которые, согласно документам, пребывали в должностях административно-управленческой системы. Финансовое благосостояние в семьях чиновников зависело от суммы их должностного обеспечения. Заботливые отцы рационально распределяли финансы на семейные потребности и на обеспечение будущего своих детей. В случае их смерти большие семьи лишались финансовых ресурсов. С учетом дороговизны обучения потерявшие отцов студенты испытывали значительные сложности. Директор Оренбургской мужской гимназии Сатурнов представил подробную характеристику М. Каратаеву с указанием его низкого материального обеспечения: «Каратаев Махзум – 22 лет, сын умершего киргизского султана; имеет хорошее здоровье и посредственные умственные способности, науками занимался довольно примерно; характера веселого, добродушного и смиренного; образ мыслей его вполне благонамеренный; средствами не обеспечен; намерен продолжать образование в высшем учебном заведении, причем будет получать стипендию Тургайской области» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32559. Л.15). На момент зачисления в университет Каратаев получил уведомление о предоставлении ему областной стипендии, сумма которой устанавливалась в зависимости от наличествующих в фонде финансов. По факту отсутствия конкурентов на областную стипендию в конкретный вуз именно Каратаев обладал полным правом получать ее. Казахские администраторы в значительной мере могли рассчитывать на некоторые льготы по отношению к членам своих семей от казахских общин и вышестоящих структур. Дети из семей служащих не ограничивались потенциальными позициями состоявшихся на службе отцов. Определенно, длительный путь гимназически-университетского образования они зачастую, под влиянием родителей и старших родственников, осознавали в качестве фундаментальной основы для личностной эволюции. Следовательно, казахские юноши проявляли упорство и труд, во многом во вред собственному здоровью, с целью достижения максимального успеха. Анализ их биографий демонстрирует степень стремления к осуществлению планов. Отец А. Беремжанова, Курганбек Беремжанов, занимал должность младшего помощника начальника Тургайского уезда. Беремжановы представляли известную династию в регионе. Отец К. Беремжанова, Беремжан Чегенев, также состоялся на чиновничьей службе областного уровня. Таким образом, представители этой семьи на

уровне нескольких поколений сохраняли влиятельный статус в регионе. Официальные структуры следующим образом оценивали деловые качества К. Беремжанова: «Младший помощник начальника Тургайского уезда бий Кургамбек Беремжанов имеет две серебряные медали: одну на Анненской ленте для ношения на груди, а другую на Станиславской ленте для ношения на плечах. Жалование получает 400 рублей в год. Вероисповедания магометанского, по-русски и киргизски читает и писать умеет. Мастерства никакого не знает» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 32110. Л. 180б.).

В многодетной семье Беремжановых, помимо Ахмета, воспитывалось несколько дочерей. Фактически только Ахмет оставался единственным наследником и продолжателем наследия своих родственников по традиционным ценностям, которые сохраняли свою значимость в казахском обществе. В этот период Беремжанов-младший прекрасно осознавал потребность в получении комплексного образования с целью обеспечения собственной карьеры и использования университетских знаний в сфере расширяющих влияние творческих профессий конца XIX века. Казахские юноши целенаправленно выбирали сектор своего развития с четким осознанием собственных ресурсов и возможных перспектив в будущем. На медицинском факультете обучался уроженец Тургайской области – Ибрагимов Г.М. Его отец Ибрагимов М. специализировался на знании казахского судебного права. Он имел статус судебного бия одной из волостей. Полномочия судебных биев ограничивались уровнем судебных разбирательств бытовых и незначительных преступлений. Очевидно, сын пожелал выбрать профессию медика с целью реализации своего потенциала в творческой сфере. В начале XX века Ибрагимов демонстрирует тот тип казахских юношей, которые не желали ограничиваться уровнем благополучия своих родителей (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34112. Л. 14). Ряд студентов до зачисления в Казанский университет имел опыт поступления и обучения в других вузах. В 1906 Г.-А. Арунгазыев обращался с «Прошением» к ректору университета, в котором ходатайствовал о зачислении на медицинский факультет. Незадолго до прибытия в Казань Арунгазыев предпринял попытку поступления в другой вуз. При составлении «Прошения» он продемонстрировал знание организационных и юридических особенностей, востребованных при подготовке документов для зачисления в вуз. В обращении на имя ректора он аргументировал причины, которые побудили его обратиться: «Желая продолжить дальнейшее образование, покорнейше прошу Ваше Превосходительство принять меня в число студентов вверенного Вам Казанского Императорского Университета на первый курс медицинского факультета. Причем считаю необходимым добавить то, что, во-первых, я держался конкурсных экзаменов в Московском сельскохозяйственном институте, во-вторых, был болен с 16-го сентября по 21-е октября, каковые причины принудили меня опоздать с прошением. Документы кроме прилагаемого медицинского свидетельства поступили в канцелярию Правления из Московского сельскохозяйственного института. Октября 31 дня 1900 года. Гали-Ахмед Арунгазыев» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 34056. Л.13). Скрупулезное изучение источников характеризует степень материальной обеспеченности исследуемых персоналий. Определенная часть из них вне зависимости от социального происхождения традиционно указывает на наличие финансовых сложностей. Очевидно, оплата за обучение с расходами на длительное проживание в городах требовала значительных финансовых ресурсов. Казахские учащиеся в период обучения в гимназиях и вузах часто признавались в своей денежной неплатежеспособности. Например, Х. Сарыкулаков так описывал свое финансовое состояние на период 1913 года: «...В сентябре 1911 года я поступил в число студентов Киевского университета, на медицинский факультет, коего лекции слушал по 15-е марта 1913 года, а упомянутого числа уволен за невзнос платы за обучение. Поступая в Киевский университет, я надеялся на обещание некоторых частных лиц поддержать меня материально, так как родители мои – люди очень бедные. Однако поддержка эта не осуществилась, что невольно послужило тормозом на систематическом ходе моих занятий в университете» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 40976. Л. 3). Впоследствии Х. Сарыкулаков, по его признанию, оплачивал свои занятия частными уроками, которые он преподавал. Затем он обратился с ходатайством к руководству Казанского университета о зачислении на медицинский факультет. Выбор Х. Сарыкуловым этого вуза в значительной мере обуславливался географической близостью к территории его проживания и концентрацией в университете казахских студентов, которые характеризовались корпоративной сплоченностью.

В период с начала 80-х годов XVIII века до второй декады XX века в университете прошли обучение несколько десятков казахских юношей. Тщательное изучение студенческих дел наглядно демонстрирует формирование студенческих династий, которые состояли по линии отец-сын, родные братья, близкие родственники. Соответствующий фактор убедительно доказывает умозаключение о широком распространении значимости светского высшего образования в казахском обществе. В числе категорий студенческих династий зафиксированы фамилии Алдияровых, Танашевых, Бекмухамедовых.

В частности, уроженцы Астраханской губернии Бекмухамедовы Эмир-Джан и Шафкат были выходцами из одной фамилии. В метрике они обозначены под терминологией «простые», не имели отношения к социальной группе султанов. Старший, Эмир-Джан Бекмухамедов, по окончании университета состоялся в качестве юриста. Шафкат Бекмухамедов также стал юристом (в личном деле обозначено, что он по окончании 1 семестра медицинского факультета перевелся на юридический

факультет. Препятствий со стороны администрации в этом не отмечалось). Таким образом, оба обучались на юридическом факультете.

Семья Алдияровых представлена Абубакиром Бермухамедовичем и Нурмухамедом Кауменевичем. Абубакир обучался на медицинском факультете, а Нурмухамед первоначально – на физико-математическом факультете, затем перевелся на юридический факультет и состоялся в качестве юриста.

Танашевы были представлены Османом Арслангалиевичем и Ували Шарафутдиновичем. Ували Танашев администрацией Астраханской гимназии характеризовался следующим образом: «Во время пребывания в учебном заведении с сентября 1897 года добросовестно исполнял свои ученические обязанности, подчиняясь всем требованиям гимназического начальства, был вежлив в отношении своих руководителей и воспитателей и вообще по поведению и нравственным качествам не получил никакого упрека» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 38293. Л. 14). В университете он обучался на медицинском факультете. Первоначально Ували Шарафутдинович желал обучаться в военно-медицинской академии, но не смог получить право обучения в этом учреждении по факту отсутствия вакантных мест: «Причина такой поздней подачи прошения – задержка документов в военно-медицинской академии, откуда прислано мне отказать по неимению вакансий» (НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 38293. Л. 10). Впоследствии, в 1908 году, он подал прошение о переводе с 1-го курса медицинского факультета на юридический. Его родственник Осман Арслангалиевич Танашев также обучался в Астраханской гимназии, затем в университете – на физико-математическом факультете.

Судьба выпускников университета сложилась по-разному. Ахмет Беремжанов зарекомендовал себя в качестве талантливого юриста, работал в составе Самарского окружного суда. Занимался активной общественной деятельностью, впоследствии состоял депутатом от Тургайской области в Государственной Думе. В годы Гражданской войны он предпринимал все усилия для спасения гражданского населения. В период установления Советской власти он работал в Народном комиссариате юстиции. Беремжанов принимал участие в разработке законопроектов, направленных на улучшение жизни общества. Карабаев состоялся на государственной службе в качестве врача в Тургайской области. Во время вспышки инфекций в Якутии он в составе добровольцев-медиков отправился в этот регион. Карабаев занимался социальной работой. В годы Гражданской войны он продолжал медицинскую деятельность. В 1920 годы заведовал местной районной больницей. Таким образом, он всю свою жизнь посвятил служению обществу. У. Танашев в 1919 году состоял в аппарате Киргизского (Казахского) военно-революционного комитета, принимал участие в реализации масштабных мероприятий. В первой половине 1920-х гг. он занимал должность полномочного представителя Киргизской (Казахской) АССР во Всесоюзном центральном исполнительном комитете (заместитель председателя представительной коллегии Киргизской (Казахской) АССР в Москве). В дальнейшем Танашев работал в Наркомате по делам национальностей и в других всесоюзных учреждениях.

5. Заключение

Итак, во второй половине XIX в. наблюдается приток казахских юношей в Казанский университет. По нашим подсчетам, общая численность казахских студентов, которые обучались в университете в исследуемый период, составила 3 десятка человек. Социальная структура оказалась разнообразной. В университете обучались выходцы из обычных семей и представители султанской аристократии. Региональная структура казахского студенчества представлена уроженцами всех областей, в которых концентрировалось казахское население.

Казахские юноши обучались на медицинском и юридическом факультетах, причем подавляющее большинство выбирало юридическую стезю. До поступления в университет казахские юноши предпочитали обучение в гимназиях, то есть в тех учебных заведениях, в которых они имели право получить знание для дальнейшего обучения.

Дипломированные специалисты Казанского университета в дальнейшем адаптировались к сложившимся реалиям и состоялись в качестве работников административных структур и социальных учреждений.

Литература

- Ахмедов, 1969 – Ахмедов Г. Алаш «Алаш» болганда. Естеліктер мен тарихи деректер. Алматы: Жалын, 1969. 32 с.
- Зиманов, 1982 – Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 149 с.
- Кенжетаяев, 1988 – Кенжетаяев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX – начале XX вв. Казань: ПИФ, 1988. 88 с.
- Макаров, 2000 – Макаров Г.М. Султан Гаяши и народная музыка / Султан Гаяши. Материалы и исследования. Казань: Издательство «Фикер», 2000. С. 140-157.
- Михайлова, 1991 – Михайлова С.М. Казанский университет в духовной культуре народов Востока России (XIX век). Казань, 1991. 359 с.
- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан.

Нафигов, 1986 – *Нафигов Р.И.* (1986). Тукай и его окружение. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. 208 с.

Радлов, 1989 – *Радлов В.В.* (1989). Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 749.

Султангалиева, 2002 – *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. С. 120.

References

Akhmedov, 1969 – *Akhmedov, G.* (1969). Alash «Alash» bol'fanda. Estelikter men tarikhi derekter [When Alash is "Alash". Memoirs and historical data]. Almaty: Zhalyln, 32 p. [in Kazakh]

Kenzhetaev, 1988 – *Kenzhetaev, B.A.* (1988). Kazanskije uchebnye zavedeniya i protsess formirovaniya kazakhskoi intelligentsii v seredine XIX – nachale XX vv. [Kazan educational institutions and the process of formation of the Kazakh intelligentsia in the middle of the XIX – beginning of the XX centuries]. Kazan': PIF, 88 p. [in Russian]

Makarov, 2000 – *Makarov, G.M.* (2000). Sultan Gabyashi i narodnaya muzyka [Sultan Gabyashi and folk music]. *Sultan Gabyashi. Materialy i issledovaniya.* Kazan': Izdatel'stvo «Fiker». Pp. 140-157. [in Russian]

Mikhailova, 1991 – *Mikhailova, S.M.* (1991). Kazanskii universitet v dukhovnoi kul'ture narodov Vostoka Rossii (XIX vek) [Kazan University in the spiritual culture of the peoples of the East of Russia (XIX century)]. Kazan', 359 p. [in Russian]

NA RT – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archive of the Republic of Tatarstan].

Nafigov, 1986 – *Nafigov, R.I.* (1986). Tukai i ego okruzhenie [Tukai and its environment]. Kazan': Tatar.kn.izd-vo, 208 p. [in Russian]

Radlov, 1989 – *Radlov, V.V.* (1989). Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Diary pages]. Moskva. P. 749. [in Russian]

Sultangaliev, 2002 – *Sultangaliev, G.S.* (2002). Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII- nachale XX vv.) [Western Kazakhstan in the system of ethno-cultural contacts (XVIII – early XX centuries)]. Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB. P. 120. [in Russian]

Zimanov, 1982 – *Zimanov, S. Z.* (1982). Rossiya i Bukeevskoe khanstvo [Russia and the Bukeev Khanate]. Alma-Ata: Nauka, 149 p. [in Russian]

Обучение казахских студентов в Казанском университете в конце XIX – начале XX вв.

Гульмира Нурушева ^{a, *}, Айдар Айтмухамбетов ^a, Сергей Симонов ^b

^a Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынова, г. Костанай, Республика Казахстан

^b Костанайская академия МВД имени Ш. Кабалбаева, г. Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. В XIX веке казахские юноши получили право обучения в университетах. В Казанском университете в исследуемый период обучалось более 30 казахских юношей. Казахские студенты являлись уроженцами степных областей. Большинство из них проживало в областях, территориально близких к Казани. Социальная среда казахского студенчества оказалась пестрой. Наряду с представителями из султанских семей в Казани обучались выходцы из разночинной социальной среды. Большинство студентов до момента зачисления в университет получали образования в гимназиях. В ходе анализа гимназических аттестатов выяснилось, что их обладатели отличались прилежанием и демонстрировали хорошие знания дисциплин обучения. Казахские студенты в университете обучались на медицинском и юридическом факультетах. Очевидно, мотивация их выбора состояла в необходимости дальнейшей социализации в юридических и медицинских сферах. В гимназические годы они получили хорошие знания по иностранным языкам, в частности классическим и европейским, которые оказались востребованными на период обучения. В дальнейшем обладатели университетских дипломов реализовывали собственный потенциал по профессии, в частности выпускники университета Карабаев, Беремжанов, Таначев и ряд других зарекомендовали себя в качестве профессионалов по специализации обучения.

Ключевые слова: студенчество, гимназия, университет, служащий, султан, характеристика, выпускник, персоналии, регион, элита.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ng-8080@mail.ru (Г. Нурушева)